

В Центральном управлении уголовной полиции Норвегии есть объединенный реестр без вести пропавших. Каждый год туда поступает около тысячи восьмисот новых дел. Иными словами, пять сообщений о пропаже ежедневно. В таких делах розыск всегда ведется исходя из четырех сценариев. Самоубийство. Внезапный отъезд. Несчастный случай. И похищение...

Часть I

ПОСЛЕДНИЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ РОБЕРТА РИВЕРХОЛЬТА

— Ну как? Что думаешь? — Милла Линд сидела, плотно сжав ноги. Она была в брючном костюме и с прической, знакомой Роберту Риверхолту по обложкам. Ее голос всегда звучал мягко и приятно, она не была напористой и болтливой, как большинство из его клиентов. Никогда не задавала вопросов для галочки, для заполнения пауз в разговоре. Милла спрашивала только о том, что действительно хотела узнать. И это ему больше всего в ней нравилось. Это, и ее глаза.

— Хорошо.

Он вернул ей страницы рукописи и откинулся на спинку кресла. Провел рукой по волосам и улыбнулся:

— С нетерпением жду продолжения.

— Гениально!

Литературный агент Миллы в Швеции, Пелле Раск, с энтузиазмом закивал с дивана, стоявшего в глубине квартиры Миллы на последнем этаже. Произнеся это, он, наконец, оторвался от своего айпада. Роберт безошибочно определил, что Пелле, со своими блестящими

волосами средней длины, зачесанными назад, и плотно облегающей рубашкой с двумя расстегнутыми верхними пуговицами, точно копировал стиль продавцов таймшера* на Гран-Канарии.

Милла повернулась к дивану и, ничего не говоря, снова взглянула на Роберта.

— Я хочу закончить серию тем, что Йертруд вернется в жизнь Августа Мугабе. — Она взяла несколько прядей волос и стала накручивать их на пальцы. — И с этого момента все изменится.

Когда Роберт впервые встретился с Миллой, он принял эту ее привычку за признак неуверенности в себе. Подумал, что она страдает от низкой самооценки, и это заставляет ее кончиками пальцев искать локоны, поправлять и укладывать их. Но теперь он знал, как все обстоит на самом деле.

— Ведь пропала его дочь?

— Да, — ответила Милла.

Взгляд Роберта скользнул сквозь одно из окон в крыше, на безоблачное небо Осло. — Я думаю, это действительно будет конец проекта.

— Август напоминает мне тебя, — Милла выпустила из рук волосы и прикусила позолоченную ручку. Подержала ее в зубах несколько секунд, затем вынула и застучала концом ручки о ногу, все так же уставившись на Роберта. — Все больше и больше.

— Уфф, — Роберт выдавил добродушный смешок. «Я позволил всему этому зайти слишком далеко», —

* Букв. «разделение времени» (*англ.*), особая форма владения собственностью на территории курортного отеля клубного типа на контрактной основе, которая дает право на ее использование ежегодно в течение определенного периода времени. — Здесь и далее примеч. пер.

подумал он и заставил мышцы лица повиноваться, чтобы не моргнуть. Слишком, слишком далеко.

— Ну, только не говори об этом никому.

Роберт подмигнул и хлопнул себя по коленям, прежде чем встать. Он кивнул в сторону Пелле на диване и направился в коридор, где остановился и обернулся. — Увидимся в Тьёме сегодня вечером. Ты собрала команду?

— Да. — Милла подошла к нему, держа страницы рукописи. — Они придут. Она остановилась и вздохнула. — Ты что-нибудь нашёл? Что-нибудь новое?

— Вечером, Милла. Все вечером.

На улице все небо залило солнечными лучами. Солнце пробивалось меж домов, делая столичные улочки такими красивыми. Роберт Риверхолт оказался окончательно и бесповоротно поглощен городом после того, как вылез из беличьего колеса и начал работать на себя. Он был так очарован его архитектурой и шумом, что не заметил ни звук целенаправленно движущихся в его сторону шагов, ни тень, протянувшуюся к нему, когда завернул за угол в переулок, окруженный почтенными старыми городскими деревьями. Все, что он успел ощутить, — дуло на затылке да металлический клик бойка, выбившего кольцо пламени. И солнце исчезло.

Глава 1

Я никогда не любил переход от зимы к весне. Скрючившиеся голые деревья напоминают дикую мутировавшую поросль, пробившуюся из земли после атомной войны. Весь Ставангер утопает в нескончаемых лив-

нях, из-за которых город становится одновременно зеленым, как водоросль, и серым.

В отделении НАВ* на Клуббгата в самом центре Ставангера больше посетителей, чем в прошлый раз. Диван в комнате ожидания заполнен, на лицах людей застыло выражение крайнего скепсиса.

— Торкильд Аске.

Рукопожатие Ильяны не изменилось с нашей последней встречи. Такое же вялое и холодное, словно здороваешься за руку с трупом в морозилке.

— Очень приятно, — абсолютно неубедительно сказала она и опустила в новое синее офисное кресло с промаркированной спинкой.

— Нет, невероятно приятно, — отвечаю я и тоже сажусь.

— Вы помните ваши дату рождения и персональный номер?

— Само собой.

Между нами стоит миска с пластиковыми бананами, такая же унылая, как и прежде. Я вижу, что им в компанию добавились гроздь красного пластикового винограда и искусственная груша, однако и с этим пополнением более фруктовой атмосфера в комнате не стала.

— Можете назвать?

Чуть раздраженная, она раскачивается на кресле вперед-назад.

Я сообщаю ей последовательность цифр, так что Ильяна, наконец, может отвернуться от моего искаленного лица к монитору компьютера.

— Значит, вы больше не хотите запрашивать выплаты на время восстановления трудоспособности, но хотите получить пособие по инвалидности?

* Норвежская служба занятости и благосостояния.

— Да. — Я протягиваю конверт, который принес с собой. — Посоветовавшись с ответственными лицами, я пришел к выводу, что это единственно правильный путь.

Она приподняла очки с переносицы.

— После того, что случилось, когда вы...

— Навещал сестру в Северной Норвегии прошлой осенью, да.

— Вы пытались... — Ильяна, замывшись, посмотрела на меня, — покончить жизнь самоубийством?

— Даже дважды, — киваю я. — Вы найдете отчеты в конверте.

Ильяна покашливает и листает бумажки.

— Да. Один раз при помощи... — она отрывает взгляд от папки, — гарпуна?

— Давление было слишком сильным.

— Давление с... нашей стороны? Со стороны НАВ?

Я снова киваю.

Ульф, мой друг и психиатр, решил, что пришло время замахнуться на большее. Полное пособие по инвалидности. Ульф и мой терапевт даже вместе написали письмо, где утверждают, что именно давление НАВ заставило меня пойти на работу телефонным оператором в «Форусе», и это привело к двум неудавшимся попыткам суицида, когда в первый раз я прыгнул в море, а во второй — насквозь проткнул гарпуном руку и грудь. Мы ничего не упомянули о деле, в котором я копался там, на севере. Ульф даже пригрозил пустить это в газетные заголовки, если НАВ продолжит напор на его пациента с повреждениями мозга, имеющего высокую степень склонности к самоубийству и нуждающегося в уходе.

— Ну, что же, — Ильяна листает бумаги. — В таком случае, я думаю, у нас есть все необходимое, чтобы двигаться дальше по этой части.

Она собирает бумаги, запихивает их обратно в конверт и складывает руки на коленях.

— А что дальше? — Я потер пальцами шрам на ладони. Место ранения все еще болело, особенно в дождливые дни. А в Ставангере таких много.

— Ну, — вздыхает она и сжимает кончики больших пальцев вместе. — Следующий шаг — заключение нейроропсихолога.

— Что именно от меня требуется?

Она немного поворачивает ко мне голову, но так, чтобы наши взгляды не встретились.

— Это серия когнитивных тестов. Вам пришлют вызов в течение весны.

— Спасибо, — говорю я и поднимаюсь.

Ильяна улыбается отработанной улыбкой, такой, когда глаза не участвуют, и наклоняется над миской с пластиковыми фруктами.

— Создайте себе спокойную атмосферу. Уважайте свои ограничения. Больше никаких поездок, пока проходите комиссию.

— Больше никогда, — говорю я. Буду проводить исключительно тихие вечера дома, предаваясь глубокому созерцанию коварств жизни и службы занятости.

Ильяна слегка качает головой и поворачивается к монитору, пока я иду к выходу.

Телефон зазвонил, как только я покинул здание НАВ.

— Закончил? — голос Ульфа был напряжен, в трубке фоном слышны гул мотора и песня Арьи Сайонмаа «Jeg vil tacka livet»*.

* Спасибо за жизнь (шв.).

— Закончил.

— И?

— Меня вызовут на нейропсихологическую комиссию в течение весны.

— Хорошо, хорошо, — нараспев отвечает Ульф. — Значит, дело пошло. Отлично, отлично.

Возникает пауза, и я слышу, как Ульф включает поворотник, начав жевать от тяжелой жизни еще одну никотиновую жвачку, и подпекает: — *Det har gitt mig smärtan så att jeg kan skilja lyckan ifrån sorgen* *

Когда я приехал домой из Трумсё, Ульф забрал мои лекарства, и, чтобы подать пример, решил отказаться от своих «Мальборо». Это привело к страшному злоупотреблению никотиновым пластырем и никотиновой жвачкой. Вскоре нам обоим стало ясно, что Ульф поставил себя в очень трудное положение. Теперь он не может предаться затыжке, не пересмотрев вместе с тем мою новую лекарственную парадигму. Все это переросло в безмолвную позиционную войну, когда я жду, а Ульф жует.

— Кстати, ты собрал вещи на завтра? — спрашивает Ульф, пока я не положил трубку.

— Да. Готов как штык.

— Никаких кофеварок и прочей ненужной ерунды, как в последний раз? Не надо опять заниматься этой фигней, Торкильд.

— Только одежда и благие намерения. На этот раз никакой ерунды.

— Эта возможность, появившаяся с Миллой Линд, может оказаться для тебя последней...

* Мне причинили боль, чтобы я смог отличить счастье от горя (шв.).

— Обещаю.

— Кстати, Дорис ждет не дожидается встречи с тобой. Она никогда раньше не видела исландцев.

— Наполовину, — отвечаю я. — Я только наполовину исландец, ты же знаешь это, и я там не был больше двадцати лет.

— Одна фигня. Главное, что она ждет.

— Ульф, — начинаю я, зажмуриваясь от резкого весеннего солнца, пробивающегося сквозь дождевые тучи над зданием НАВ в центре Ставангера — насчет того ужина...

— Даже не думай. Я приглашаю, ты приходишь. На этот раз никаких отговорок... *Och alla sångar som är samma sångar**... Ой, чуть не забыл, — продолжает Ульф, прервав свой дуэт с Арьей, — купи кервель.

— Что?

— Кервель. Купи кервель.

— Что такое кервель?

— Кервель, — рывкает он, работая челюстями на высокой скорости. — Это такая петрушка. Забеги в супермаркет перед приездом. Там он есть.

— А это обязательно?

— *Och alla sångar som är samma sångar*... — Да, — отрезает Ульф и кладет трубку.

Глава 2

— Ульф говорит, ты импотент? — Дорис вопросительно смотрит на меня. Мы сидели за кухонным столом на вилле Ульфа Эйгана. Его новая пассия — пятиде-

* И все песни одинаковы (*шв.*).

сятисемилетняя немка, сексолог и обозреватель с собственным блогом. Ульф познакомился с ней на конференции в Бергене.

— Нет! Мне так кажется! — Ульф изо всех сил рубит кервель на кухонной столешнице рядом. Он одет в широкую рубаху без рукавов, и мне виден никотиновый пластырь на его плече.

Дорис руками рвет булочку и кладет кусочки на блюдце рядом с миской. Вскоре подходит Ульф с горстью кервеля и посыпает им суп. Она берет кусочек хлеба и с его помощью утапливает листочки в мутной жидкости, затем кладет его в рот и с жадностью жует.

— Скажи, ты онанируешь?

Я устремляю взгляд вниз на миску с супом и притворяюсь, будто не расслышал вопроса.

— Торкильд не онанирует, — приходит на помощь Ульф, наливая вино в бокалы и садясь между нами.

Дорис утапливает новую порцию кервеля, рассматривая меня прищуренными глазами.

— Так откуда ты знаешь?

— В этом и смысл. — Ульф слизывает зелень с кончиков пальцев. — Он не знает. Он создает себе эти препятствия, непреодолимые барьеры, чтобы не вовлекаться в жизнь за пределами квартиры. Аске бежит от всего, что зовется межчеловеческим взаимодействием.

— Современный отшельник, — говорю я в отчаянной попытке казаться веселым в этом кошмаре социального сборища. Я придвигаю к себе бокал и опустошаю его. Дорис складывает руки под подбородком. Ее волосы коротко стрижены, выкрашены в рыжий цвет и торчат во все стороны. Современная прическа, напоминающая букет цветов, сотворенный страдающим маниакальной депрессией флористом. Темно-красные уз-